

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

„Русскій Архивъ“ 1866—1867 годовъ.—Историческій очеркъ народной войны за независимость Греціи и возобновленія королевства, при вмѣшательствѣ великихъ державъ: Россіи, Англіи и Франціи.

Русскій Архивъ. *Историко-литературный сборникъ, издаваемый Петромъ Бартевымъ. Москва. 1866—1867.*

II.

Жизнь и дѣянія генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, описанныя графомъ А. Н. Самойловымъ.—Гробница князя Потемкина. Статья *Шугурова*.—Инструкція императрицы Екатерины II генералъ-поручику Заборовскому.

Если бы кто изъ современниковъ Потемкина, обладавшій качествами истиннаго историка, былъ поставленъ въ возможность написать его біографію, не подчиняясь никакимъ условіямъ, вредящимъ строго-историческимъ требованіямъ, то въ потомствѣ давно установилась бы вѣрная точка воззрѣнія на знаменитаго русскаго дѣятеля прошлаго столѣтія, и одна изъ самыхъ яркихъ страницъ въ исторіи царствованія Екатерины II получила бы оцѣнку, основанную на исторической правдѣ. Никто изъ современниковъ князя Таврическаго не завѣщалъ потомству подобнаго историческаго творенія. Въ общихъ очеркахъ жизнь и дѣла Потемкина извѣстны; въ разсказахъ о его пышности, о его странностяхъ недостатка нѣтъ; съ его именемъ всякій привыкъ соединять имя человека, въ рукахъ котораго долго была сосредоточена такая власть, такое могущество, которыя едва-ли когда выпадали въ Россіи на долю частнаго лица, если не считать кровавой памяти Бирона. Но всего недостаточно для надлежащей оцѣнки Потемкина, какъ государственнаго дѣятеля; оцѣнка его въ такомъ смыслѣ будетъ возможна только тогда, когда настанетъ время разработки исторіи царствованія Екатерины II по документамъ, скрытымъ доселѣ въ архивныхъ хранилищахъ. Поле еще мало тронутое, а отчасти и вовсе не тронутое.

Помѣщенная въ „Русскомъ Архивѣ“ біографія Потемкина хотя и написана современникомъ весьма близко къ нему стоявшимъ и хорошо знакомымъ съ тогдашними дѣлами по своему офиціальному положенію, но строго-историческихъ достоинствъ она не имѣетъ и имѣть не можетъ. Родной племянникъ князя Таврическаго, генералъ-поручикъ графъ Самойловъ, обязанный своимъ возвышеніемъ могущественному дядѣ, награжденный за очаковскій штурмъ орденомъ св. Георгія 2-й степени, самъ объясняетъ причины, побудившія его описать жизнь и дѣла Потемкина. Во вступленіи онъ говоритъ: „Исполненный благоговѣніемъ къ памяти покойнаго фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, *которому былъ обязанъ многими оказанными мнѣ благодѣяніями, какъ-то одобреніемъ службы моей, возвышеніемъ моимъ,* а наипаче приобрѣтеніемъ впоследствии отъ государыни премудрой, проницательной и благосердой, той довѣренности (*), коей имѣлъ счастье удостоиться, не могу читать безъ душевнаго негодованія напечатанныхъ въ разныхъ книгахъ недостойныхъ лжей, злословіи и клеветъ на щотъ его вымышленныхъ, и вмѣсто признательности за заслуги отечеству, за добро содѣянное, за благотворенія явленныя всеѣмъ вообще и каждому имѣвшему въ защитѣ и покровительствѣ его нужду, съ прискорбіемъ вижу въ разныхъ изданіяхъ, что сколько злоба, зависть и невѣжество могли въ хулу ему излить яда, ничего не было оставлено“.

Какъ ни почтенны и уважительны причины, заставившія графа Самойлова взяться за перо, но самыя отношенія племянника къ дядѣ были такого рода, что при всемъ своемъ добромъ намѣреніи, онъ могъ написать не *исторію жизни и дѣлъ* князя Потемкина, а лишь *похвальное слово* въ честь своего близкаго родственника и благодѣтеля. Въ благоговѣнномъ удивленіи къ своему герою, авторъ не былъ даже въ состояніи удержаться въ предѣлахъ разумной похвалы, что, конечно, извинительно панегиристу, но что несомѣстно съ высокимъ предназначеніемъ историка. Въ глазахъ графа Самойлова, Потемкинъ стоялъ на такой нравственной высотѣ, что, въ продолженіе своего восемнадцатилѣтняго всемогущества, „не омрачилъ жизни своей ни любостыжаніемъ, ни ненавистью, ни губительствомъ завистниковъ своихъ, ни мщеніемъ тѣхъ, кои ему

(*) Графъ Самойловъ былъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины генералъ-прокуроромъ (т. е. министромъ юстиціи).

вредить старались; но, воспаряя къ славъ по стезѣ, указанной ему отъ премудрой государыни, *бывъ выше всѣхъ другихъ страстей* (?!), оправдалъ выборъ ея въ полной мѣрѣ“. Графъ Самойловъ не обинуясь называетъ Потемкина *великимъ человекомъ* и негодуетъ на графа Сегюра за то, что этотъ французскій историкъ осмѣлился назвать князя Таврическаго только *чрезвычайнымъ* человекомъ, а Наполеона причислилъ къ великимъ людямъ.

Итакъ, на біографію Потемкина, написанную графомъ Самойловымъ, надобно смотрѣть какъ на похвальное слово, въ которомъ, по смыслу старой латинской пословицы: „не говорить о мертвыхъ ничего кромѣ добраго слова“ изображена лишь *лицевая* сторона жизни и дѣлъ князя Таврическаго. Новыми фактами это похвальное слово не обогащаетъ исторію; но, какъ панегирикъ, рельефно выставляетъ тѣ безспорно важныя заслуги, которыя признаетъ за Потемкинымъ и неподкупный судъ исторіи. Человекъ русскій по преимуществу; Потемкинъ и въ дѣлахъ государственныхъ, и въ административныхъ мѣрахъ, настойчиво преслѣдовалъ національную политику, вѣрно понималъ истинные интересы Россіи, и если не всѣ исполнскіе замыслы его (какъ, на примѣръ, знаменитый *иреческій проектъ*) могли осуществиться, то и сдѣланнаго имъ достаточно для упроченія за княземъ Таврическимъ имени дальновиднаго государственнаго человека. Присоединеніемъ къ имперіи Крымскаго полуострова и уничтоженіемъ послѣднихъ остатковъ татарщины онъ довершилъ великое дѣло собирателей русской земли, а основаніемъ черноморскаго флота и утверженіемъ господства Россіи на Черномъ морѣ осуществилъ мысль Петра Великаго. Потемкина, дѣйствительно, можно назвать основателемъ черноморскаго флота. Въ 1781 году въ этомъ флотѣ не было ни одного линейнаго корабля; онъ состоялъ лишь изъ нѣсколькихъ фрегатовъ и другихъ малаго размѣра судовъ. При началѣ турецкой войны было уже шесть линейныхъ кораблей, хотя изъ нихъ дѣйствовали только три корабля севастопольской эскадры; къ окончанію войны считалось до двадцати линейныхъ кораблей, и вице-адмиралъ Ушаковъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ шестнадцать такихъ кораблей.

Потемкинъ сдѣлалъ много полезнаго и для русской арміи. Хотя графъ Самойловъ и приписываетъ ему дарованія полководца, но такъ можно говорить только въ похвальномъ словѣ;

на дѣлѣ же Потемкинъ былъ замѣчательнымъ военнымъ администраторомъ, обладалъ большими организаторскими способностями и въ этомъ заключается его истинная военная слава. Хорошо зная духъ и натуру русскаго солдата, онъ, по складу и своей русской натуре, не могъ быть поклонникомъ того смѣшнаго военнаго педантизма, который водворился въ нашихъ войскахъ послѣ семилѣтней войны. Букли, косы, пудра, лакировка, вытяжка и множество другихъ „кукольныхъ занятій“ (какъ выражается графъ Самойловъ), которыя только изнуряли солдата, истощали его послѣдніе гроши на предметы прихотей начальниковъ и, вдобавокъ, подвергали солдата жестокимъ наказаніямъ за малѣйшій проступокъ противъ „кукольныхъ занятій“ — все это слѣпое подражаніе прусской солдатчинѣ крѣпко было не по душѣ Потемкину. Въ докладѣ своемъ императрицѣ о необходимости произвести коренную реформу въ обмундированіи русскихъ войскъ, приноровивъ ее къ народной одеждѣ, онъ высказалъ истину, громадное значеніе которой сознано лишь въ наше время: „солдатскій туалетъ долженъ быть таковъ: какъ всталъ, то готовъ“.... „И тѣ же воины“ — замѣчаетъ Самойловъ — съ головами остриженными, безъ буколы и безъ косы, безъ лакированныхъ ремней, нестянутые и нешнурованные, въ мундирахъ удобныхъ и покойныхъ, въ украшеніяхъ приличныхъ и единообразныхъ, казались красивѣе и величественнѣе, а на полѣ брани явились бодрѣе, свѣжѣе, и, можно сказать, *не машинально, но по чувству и усердію храбрыми и непоколебимыми*. Рекруты, не тратя времени на изученіе туалета и принужденной вытяжки, выучась стрѣлять, становились въ строй и не различались мужествомъ отъ старыхъ воиновъ“. Заботливость объ искорененіи жестокихъ наказаній, объ устройствѣ солдатскихъ артелей, мѣстныхъ лазаретовъ и госпиталей, тѣмъ болѣе служить къ чести Потемкина, что подобныя явленія между главными начальниками были самымъ рѣдкимъ исключеніемъ въ прошломъ столѣтіи.

Потемкину принадлежитъ и неотъемлемая честь вѣрнаго взгляда на значеніе регулярныхъ войскъ. Графъ Самойловъ свидѣтельствуетъ, что казачьи войска были тогда въ пренебреженіи: въ военное время употреблялись, большею частію, для сопровожденія транспортовъ, и „были, такъ сказать, служакками у начальниковъ при обозахъ и конюшняхъ, а лошади ихъ для разгоновъ и партикулярныхъ разсылокъ“. Потемкинъ

началъ употреблять казачьи войска въ военныхъ дѣйствіяхъ, возвысилъ ихъ духъ, старался объ умноженіи этого рода войскъ и указалъ будущимъ дѣятелямъ ту пользу, которую умный военачальникъ можетъ извлекать изъ нихъ. Память Потемкина и донинѣ живеть между черноморскими казаками, которымъ онъ положилъ основаніе какъ войску и о которыхъ такъ много заботился (*).

Графъ Самойловъ, конечно, умалчиваетъ о томъ, сколько виноватъ былъ Потемкинъ относительно Румянцева; но, желая доказать, что князь Таврической давалъ ходъ русскимъ, упоминаетъ о Суворовѣ, о Кутузовѣ, о Платовѣ, объ адмиралѣ Ушаковѣ, одѣненныхъ имъ по достоинству. Справедливо, что Потемкинъ предпочиталъ русскихъ дѣятелей иноземцамъ; однако справедливо и то, что онъ никому изъ нихъ не позволялъ поставить себя въ тѣни. Онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, упрочить за собою славу полководца, не видя, что уже имѣлъ права на почетное мѣсто въ исторіи между государственными людьми Россіи.

Какими неожиданными послѣдствіями сопровождается однако земная слава? Прошло семьдесятъ семь лѣтъ послѣ смерти Потемкина, и въ литературѣ нашей возникъ вопросъ: гдѣ теперь прахъ того „великолѣпнаго князя Тавриды“, передъ которымъ, при жизни, все падало въ прахъ? Вопросъ странный, но вызванный основательными причинами. Извѣстно, что Потемкинъ умеръ (5-го октября 1791 г.), на пути изъ Яссы въ новопостроенный имъ Николаевъ, въ степи подъ наметомъ, наскоро сдѣланнымъ изъ казачьихъ пивъ и покрытымъ плащами. По повелѣнію императрицы, сердце его, заключенное въ золотую урну, было погребено подъ престоломъ Екатерининскаго собора, сооруженнаго имъ въ Херсонѣ, а гробъ съ тѣломъ опущенъ подъ эту же церковь въ склепъ, куда велъ открывавшійся извнѣ храма, у западныхъ дверей, длинный ходъ. Въ такомъ видѣ гробъ Потемкина, открытый для публики, оставался въ склепѣ до воцаренія императора Павла; но года черезъ полтора по вступленіи на престолъ сына Екатерины посѣтители склепа, въ одно прекрасное утро, увидали, что входъ въ склепъ задѣланъ. Что случилось съ гробомъ Потемкина—никто не зналъ. Всѣмъ извѣстное нерасположеніе императора

(*) См. статью: „Черноморцы за Бугомъ“ въ № 4-мъ и № 5-мъ „Военнаго Сборника“ за текущій годъ. *Ред.*

Павла къ Потемкину представляло обильную пищу самымъ разнообразнымъ толкамъ и болѣе или менѣе правдоподобнымъ догадкамъ. Одни рассказывали, будто гробъ свѣтлѣйшаго князя былъ вынесенъ на общее кладбище; другіе говорили, что самый прахъ Потемкина развѣянъ; наконецъ, по одному преданію, наиболѣе неправдоподобному, набальзамированное тѣло фельдмаршала было перевезено въ мѣстечко Бѣлую Церковь, имѣніе графини Браницкой, старшей изъ пяти племянницъ Потемкина. Замѣчательно, что въ подробномъ описаніи Херсона, помѣщенномъ въ „Словарѣ географическомъ Россійскаго Государства“ Щекатова, изданномъ въ 1808 году, слѣдовательно чрезъ *семнадцать* только лѣтъ послѣ смерти Потемкина, ничего не говорится о мѣстѣ погребенія князя Таврическаго, хотя перечислены всѣ извѣстные лица, похороненныя въ оградѣ Екатерининскаго собора. Въ виду такихъ противорѣчивыхъ данныхъ, Державинъ, увѣковѣчившій память Потемкина въ „Водопадѣ“, восклицаетъ въ раздумьѣ:

„Единъ часть, одно мгновенье
Удобны царства поразить,
Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразить!
*Изъ ищутъ мѣста—и не знаютъ:
Въ пали героевъ попираютъ....“*

Въ изслѣдованіяхъ объ этомъ предметѣ, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“, собраны многочисленныя данныя, по которымъ читатель самъ можетъ придти къ рѣшенію вопроса: гдѣ лежитъ прахъ князя Таврическаго?

Во вторую турецкую войну, императрица Екатерина намѣревалась отправить флотъ въ Архипелагъ и въ Мраморное море съ большимъ десантомъ, начальство надъ которымъ поручила генералу Заборовскому. Выборъ самою императрицею этого генерала для исполненія столь важнаго порученія (предполагалось, при удобномъ случаѣ, овладѣть врасплохъ Константинополемъ) основывался на томъ, что Заборовскій въ первую турецкую войну, въ іюнѣ 1774 года, передъ самымъ заключеніемъ мира, очистилъ путь чрезъ Балканы къ Адрианополю. „Онъ ближе всѣхъ былъ къ Константинополю, и сіе подало идею послать его съ другой стороны, чтобъ *она подошла еще ближе, какъ удасться*“, говоритъ современникъ (Храповиц-

ній). Гривное положеніе, принятое Англійей и открывшаяся, весною 1788 года, война со шведами, флотъ которыхъ явился подъ Петербургомъ, не позволили осуществиться экспедиціи, отправленія которой Екатерина желала нетерпѣливо. Заборовскій однако еще прежде уѣхалъ въ Италію, и ему дали знать, что хотя шведская война и задержала флотъ, назначенный въ Средиземное море, но что, для диверсіи туркамъ, будутъ отправлены войска, черезъ Австрію, къ Адриатическому морю и къ Черной Горѣ. Въ инструкціи, данной генераль-поручику Заборовскому за собственноручнымъ подписаніемъ императрицы, между прочимъ было сказано, что онъ, до прибытія адмирала Грейга (что не состоялось, такъ какъ Грейгъ палъ въ морскомъ бою со шведами) уполномочивается „трактовать съ народами славянскими, албанскими и греческими и соглашать ихъ на подыятіе оружія противу врага имени христіанскаго, обнадеживая ихъ сильнымъ пособіемъ Россіи, пославшей многочисленныя морскія и сухопутныя ополченія, въ отмщеніе вѣроломства и наглостей непріятельскихъ и въ освобожденіе народовъ православныхъ отъ рабства турецкаго“. Кроме того, Заборовскому поручено было стараться привлечь подъ русскія знамена корсиканцевъ, находившихся въ англійской службѣ, и впоследствии онъ рассказывалъ, что въ числѣ корсиканцевъ, отозвавшихся на этотъ призывъ, молодой артилерійскій офицеръ Наполеонъ Бонапарте подалъ ему просьбу о вступленіи въ русскую службу. Определеніе не состоялось потому, что, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, генераль Заборовскій получилъ приказаніе не принимать иностранцевъ тѣмъ же чиномъ, а Наполеонъ Бонапарте не согласился на такое условіе. Въ 1801 году, императоръ Александръ, пріѣхавъ въ Москву короноваться, спрашивалъ у Заборовскаго: справедливъ ли слухъ, будто тогдашній первый консулъ желалъ поступить въ нашу службу? Заборовскій отвѣчалъ утвердительно.

Инструкція, данная этому генералу и находящаяся въ связи съ приведеніемъ въ дѣйствіе знаменитаго греческаго проекта, далеко не лишній матеріалъ для исторіи царствованія Екатерины II.

III.

Замѣтки о польскомъ возстаніи 1830 года. И. С. Ульянова.—Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву. В. И. Дала.

Г. Ульяновъ былъ изъ числа захваченныхъ въ плѣнъ русскіхъ офицеровъ при возстаніи, вспыхнувшемъ въ 1830 году

въ Варшавѣ, и для памяти записывалъ то, что зналъ, видѣлъ и слышалъ въ эту тревожную эпоху. Отдавая должную справедливость покойному Смигу за его добросовѣстную „Исторію польскаго возстанія и войны 1830—1831 гг.“ (переведенную, какъ извѣстно, и на русскій языкъ), г. Уляновъ встрѣтилъ однако въ трудѣ историка нѣкоторыя частности варшавскихъ событій изложенныя отчасти невѣрно, отчасти неполно, и помѣстилъ въ „Русскомъ Архивѣ“ свои замѣтки съ пѣлію видѣть ихъ или подтвержденными, или опровергнутыми кѣмъ-либо изъ тогдашнихъ его сослуживцевъ въ царствѣ Польскомъ. По мнѣнію Смига, возстаніе могло бы быть подавлено въ первый же день, или, точнѣе, въ первую ночь, когда заговорщики дѣйствовали еще робко и нерѣшительно; но имъ дали время усилиться чернью и солдатами, допустили распорядиться въ городѣ и умертвить всѣхъ тѣхъ, которые старались возвратить солдатъ къ долгу, вслѣдствіе чего беспорядокъ превратился въ дѣйствительную революцію. Г. Уляновъ не раздѣляетъ этого мнѣнія и представляетъ тому доказательства, которыя, кажется, трудно не признать убѣдительными. Въ самомъ дѣлѣ, какими войсками можно было подавить мятежъ? Русская пѣхота удалена была отъ кавалеріи почти на цѣлую милю, и, вдобавокъ, находилась за арсеналомъ и другими центральными частями Варшавы, гдѣ мятежъ, прекратившій всякое сообщеніе съ русскими, былъ уже въ полномъ разгарѣ. Великій же князь Константинъ Павловичъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только кавалерійскій отрядъ да гренадерскія роты, противъ воли къ нему приведенныя. „Слишкомъ было бы простовато вѣрить“—замѣчаетъ г. Уляновъ — „что послѣднія (т. е. гренадерскія роты), за часъ тому шедшія на помощь заговорщиковъ, теперь станутъ усмирять ихъ; скорѣе всего, вступивъ въ улицы, онѣ воспользовались бы первымъ удобнымъ мѣстомъ, чтобы сыпнуть пулями въ своихъ сопутниковъ-усмирителей. А одной кавалеріи въ такомъ городѣ, какъ Варшава, нечего дѣлать противъ строевой мятежной пѣхоты“.

Въ исторіи своей Смигъ не одинъ разъ выражаетъ убѣжденіе, что „быстрая атака нѣсколькихъ эскадроновъ въ различныхъ улицахъ легко могла бы разогнать еще немногочисленныя толпы черни и не дозволить заговорщикамъ утвердиться на открытомъ пунктѣ“. Тогда, по словамъ историка, большая часть войска, увлеченная нѣсколькими офицерами-заговорщи-

ками и неподдержанная народомъ, возвратилась бы къ своему долгу, а болѣе упорные были бы усмирены силою. Основательность возраженій г. Ульянова противъ такого оптимизма явствуется изъ сопоставленія слѣдующихъ фактовъ. Если бы возмущилась только чернь, то конечно ее можно было бы разогнать и одною кавалеріей, и тѣмъ легче, что у варшавской черни, говоря вообще, не было въ то время ни особенной цѣли, ни даже особенной ненависти къ русскимъ: она руководилась просто желаніемъ „попользоваться свободою“ (zażyc wolności), попьанствовать и побуйствовать; но вѣдь возстаніе было произведено и управлялось не чернью, а горячими головами военной молодежи, и не по поводу какой-либо случайной вспышки, а на основаніи заговора, издавна задуманнаго и широко распространеннаго преимущественно между польскими войсками. Не слѣдуетъ забывать, что въ главѣ мятежа, при самомъ его началѣ, явились любимые цесаревичемъ 4-й полкъ и саперный баталіонъ, разныя части изъ многихъ другихъ полковъ, подпрапорщики, воспитанники учебныхъ заведеній, и что всѣ тѣ начальники, которые старались образумить эти войска, были или оскорблены, или убиты. Могли ли такіе люди вернуться къ своему долгу единственно потому, что кавалерія разогнала бы толпы черни? Смитъ прибавляетъ, впрочемъ, что такъ думали тогда (о возможности подавить мятежь) почти всѣ генералы. Г. Ульяновъ, допуская вѣроятность подобнаго мнѣнія, полагаетъ однако, что оно было выражено не о *первома* днѣ возстанія, а о томъ времени, когда русская пѣхота уже присоединилась къ великому князю и когда революціонный духъ польскихъ войскъ еще не обнаружился вполнѣ. Если же, какъ тогда говорили, отважный генералъ Герштенцевейгъ особенно настаивалъ у цесаревича двинуть войска противъ мятежниковъ, брался самъ за исполненіе и ручался за успѣхъ, то, по мнѣнію г. Ульянова, такая увѣренность объясняется просто: русскимъ и всѣмъ вообще военачальникамъ не были извѣстны ни размѣры, ни общая связь заговора, и они смотрѣли на начало возстанія какъ на частную вспышку.

Какъ ни исчерпанъ вопросъ о причинахъ возстанія поляковъ въ 1830 году, но все, что говорить объ этомъ предметѣ г. Ульяновъ, запечатлѣно взглядомъ современника и очевидца правдиваго, безпристрастнаго, хорошо знакомаго съ дѣломъ,

и потому имѣть вѣсь. Напримѣръ, данныя, сообщаемыя имъ о великомъ князѣ Константиѣ Павловичѣ и объ отношеніяхъ цесаревича къ польской націи, важны столько же для біографіи великаго князя, сколько и для исторіи польскаго мятежа. Вступивъ, въ 1815 году, въ управленіе царствомъ Польскимъ, великій князь сразу повелѣ дѣло къ определенной цѣли, безъ уступокъ, даже круто. Этого требовали настоятельно тогдашнія обстоятельства: надобно помнить, что поляки, родившіеся, взросшіе и состарѣвшіеся посреди безначалія, не могли скоро подчиниться строгому порядку, особенно военные люди, которые—по мѣткому выраженію г. Ульянова — „въ качествѣ сподвижниковъ Наполеона, столько времени *топтали и ломали чужія права*, столько времени пользовались *военнымъ самодурствомъ*, обыкновенно называемымъ необходимостію“. Истративъ всю свою историческую жизнь на всякаго рода козни, заговоры, мятежи, поляки царства Польскаго тѣмъ менѣ могли измѣнить своимъ прирожденнымъ качествамъ, что ненависть ко всему русскому нашла себѣ новую пищу въ судьбѣ ихъ, устроенной на вѣнскомъ конгрессѣ. О благодарности къ возстановителю *крулевства* польскаго поляки и думать забыли: по выраженію императора Александра, *поляки рождаются неблагодарными*. Царство Польское было отравлено заговорами уже при самомъ своемъ учрежденіи. „Эта отравка“, говоритъ г. Ульяновъ, „проникая повсюду, испортила наконецъ цѣлый организмъ народа до того, что самый воздухъ въ царствѣ Польскомъ былъ зараженъ революціей. Подъ основаніе новаго порядка подведена была мина, какъ о томъ и о другомъ свидѣтельствуешь одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ возстанія, Морицъ Мохнацкій. Москва загорѣлась отъ грошевой свѣчки. Высоцкій былъ этою свѣчкою для царства Польскаго: онъ поджогъ и взорвалъ уже готовую мину“.

Общезвѣстный фактъ, что великій князь Константинъ Павловичъ искренно любилъ поляковъ, не переставая быть русскимъ—въ чемъ, повидимому, многіе сомнѣвались—даетъ г. Ульянову случай высказать слѣдующія замѣчательныя слова: „Въ силу чувства привязанности къ польской націи, не могъ онъ (цесаревичъ) ограничивать своихъ желаній однимъ водвореніемъ въ царствѣ Польскомъ порядка и общаго довольства: *въ немъ замѣтна была другая, высшая цѣль*. Все показывало, что эта цѣль — назовемъ ее, пожалуй, мечтою (достойною,

впрочемъ самыхъ благородныхъ стремленій) — состояла въ надеждѣ, а можетъ быть и въ увѣренности, что имя его навсегда будетъ нераздѣльно съ памятью примиренія вѣковыхъ раздоровъ между Русью и Польшею. Отсюда покровительство великаго князя и княгини (Ловичъ) брака русскіихъ съ поляками, отсюда учрежденіе своднаго корпуса, въ которомъ и полки и начальники русскіе были перемѣшаны съ польскими. Такая мечта о сліянніи не представляла тогда ничего несбыточнаго, чему служить доказательствомъ и то, что изъ высшихъ польскихъ офицеровъ, до капитана включительно, очень многіе участвовали въ заговорѣ. То же можно сказать и о большей части гражданъ, развившихъ свое благосостояніе, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, въ такихъ размѣрахъ, какихъ оно (прежде) никогда не достигало. Стало быть, увѣренность великаго князя въ благонадежности польскихъ войскъ была не безъ основанія, и эта увѣренность, въ связи съ добрымъ расположеніемъ къ полякамъ, пустила въ его сердце самыя глубокіе корни, такъ что онъ первымъ открытіямъ заговора не придавалъ никакой важности, а первымъ извѣстіямъ объ измѣнѣ войскъ не хотѣлъ вѣрить.

Великій князь не отвергалъ впрочемъ возможности безпорядковъ частныхъ, и еще задолго до возстанія приказалъ удвоить караулы, усилить патрули, вообще принять мѣры предосторожности. Русской же пѣхотѣ, расположенной въ казармахъ на сѣверной сторонѣ города, цесаревичъ, чрезъ полковыхъ адъютантовъ, отдалъ приказаніе: въ случаѣ какихъ-либо смутеній въ городѣ, русскія войска должны выйти изъ казармъ, соединиться на плацпарадной площади и тамъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній; оружіе употреблять въ крайности, только для собственной обороны, чтобы не сказали, что мы нападаемъ. „Пусть — прибавилъ великій князь — поляки сами себя усмирятъ“, разумѣя, конечно, подъ усмирителями польскія войска. Это не разъ рассказывалъ, во время плѣна, одинъ изъ посредниковъ въ передачѣ приказаній, адъютантъ Волинскаго полка Круссеръ. Однако приказаніе не могло быть исполнено во всей точности по причинамъ, объясняемымъ г. Ульяновымъ.

Всѣми этими фактами опровергается сказаніе Смита, будто мысль не употреблять русскія войска на подавленіе мятежа была внушена лукавыми наущеніями Замойскаго, адъютанта

цесаревича. Мѣра была обсужена и принята великимъ княземъ гораздо раньше совершившихся событій.

Но самая мысль невмѣшательства была ли вѣрна въ своемъ основаніи? Г. Ульяновъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. По его мнѣнію, она была вѣрна не только потому, что согласовалась съ примирительными чувствами великаго князя, но и потому еще, что обусловливалась очевидными соображеніями. До прихода къ цесаревичу русской пѣхоты и артилеріи, нельзя было и думать о возможности подавленія вспыхнувшего возстанія, а когда пѣхота и артилерія пришли, когда генералы Даненбергъ и Герштенцвейгъ настоятельно требовали двинуться на Варшаву, покорность въ польскихъ войскахъ уже рушилась окончательно и вмѣшательство русскихъ могло бы повести только къ новымъ затрудненіямъ, которыя, прежде всего, лишили бы Хлопицкаго возможности облегчить отступленіе великаго князя въ предѣлы имперіи.

„Однимъ словомъ, посылка въ Варшаву русскаго отряда была бы равносильна вызову на смертельный бой *тридцатидеути тысячнаго* войска (польскаго) противъ *семи тысячъ* (русскихъ.“)

Этими словами г. Ульяновъ заключаетъ свои замѣтки на первый томъ сочиненія Смита.

Издатель „Русскаго Архива“, помѣщая въ своемъ сборникѣ „Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву“ извѣстнаго нашего писателя В. И. Дала, предпосылаетъ имъ нѣсколько пояснительныхъ строкъ, въ которыхъ, между прочимъ, говорится, что хивинская экспедиція генерала Перовскаго почти вовсе неизвѣстна русской публикѣ, что о ней *не упоминалось ни единымъ словомъ* въ русской, *всѣмъ доступной* (?) печати, и что первое печатное извѣстіе объ этомъ походѣ появилось только въ 1860 году, въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей при императорскомъ московскомъ университетѣ“, именно въ статьѣ: „Военное предпріятіе противъ Хивы“. Постояннымъ читателямъ „Военнаго Сборника“ извѣстно, что на страницахъ его было напечатано нѣсколько статей, посвященныхъ хивинской экспедиціи 1839 — 1840 г. и написанныхъ участниками въ ней. Издатель и редакторъ „Русскаго Архива“, очевидно, не зналъ о существованіи этихъ статей. Такой пропускъ онъ пополнилъ однако, вслѣдъ за напечатаніемъ писемъ Дала, указаніемъ биб-

ліографа г. Межова на всѣ статьи, помѣщенные въ „Военномъ Сборникѣ“ о походѣ въ Хиву.

Авторъ „Писемъ къ друзьямъ“ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-адъютантѣ Перовскомъ, и, по его предложенію, написалъ названную выше статью „Военное предпріятіе противъ Хивы“, какъ бы въ видѣ служебнаго отчета экспедиціи. Въ дружескихъ письмахъ, не стѣсненный служебными требованіями, г. Даль говоритъ о такихъ подробностяхъ степнаго похода, дѣлаетъ такія замѣтки, высказываетъ такія впечатлѣнія, которыя не могли имѣть мѣста въ полуофіціальной статьѣ. Въ „Письмахъ къ друзьямъ“ онъ остался вѣренъ своему обычному игривому и своеобразному юмору, что, при извѣстномъ самобытномъ слогѣ и языкѣ этого писателя, усиливаетъ ихъ занимательность. Общія факты, сообщаемые г. Далемъ, согласны съ тѣми, которые заключаются и въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Военномъ Сборникѣ“, и потому мы обратимъ вниманіе на частности, способствующія объясненію не вполне извѣстныхъ обстоятельствъ хивинской экспедиціи.

Первое письмо съ рѣки Илека, въ зауральской степи, помѣчено 25-мъ ноября 1839 года. Какъ это письмо, такъ и послѣдующія писаны еще подъ вліяніемъ увѣренности въ успѣхъ похода, хотя жестокіе холода и разнаго рода затрудненія степнаго зимняго похода уже давали чувствовать себя. 10-го декабря Даль упоминаетъ объ увеличеніи числа больныхъ въ отрядѣ, большею частію лихорадками, горячками, поносами, цынгою, несмотря на то, что солдатъ кормили очень хорошо: давали по фунту мяса на день. Впослѣдствіи изрѣдка стали появляться случаи внезапнаго безпамятства, даже умопомѣшательства, и случаи внезапной смерти отъ удара въ легкія. 21-го декабря Даль писалъ изъ укрѣпленія Аты-Янши, на Эмбѣ: „Ура!“ пятьсотъ верстъ прошли! Не успѣемъ оглянуться, какъ пройдемъ и еще столько, да полстолько, да еще одну версту—и пришли! Зима жестокая: 16° у насъ ни почемъ, что называется тепло, если только нѣтъ вѣтру. Только два дня у насъ 10°, а въ полдень еще меньше; теперь снова наладилъ морозъ-снѣговичъ 16, 18, 20, 25 градусовъ. Благодаря Бога, все удивительно благополучно: всего не болѣе человекъ десяти познобили себѣ пальцы или персты на ногахъ; никто не замерзъ, и одинъ только отморозилъ ногу, да и то такъ, что, по всей вѣроятности, она еще будетъ цѣла“. 23-го декабря была повѣрка и

пересмотръ верблюдовъ: вмѣсто 10,000 ихъ оказалось только 8,000. Въ это же время стало очевиднымъ, что запаснаго продовольствія въ Хиву нельзя было взять болѣе чѣмъ на мѣсяцъ. „Прежде не рассчитывали на тамошнія средства вовсе, а теперь надобно будетъ оглянуться тамъ, нѣтъ-ли гдѣ хлѣбца, или обратить часть верблюдовъ опять на Эмбу, для подвозу“, замѣчаетъ авторъ писемъ.

По словамъ Даля, Перовскій, при началѣ похода, былъ очень озабоченъ неисправностію цѣпи: часовые не умѣли опрашивать, пропускали безъ отзыва, засыпали на часахъ, кутались въ кошмы отъ бурановъ, а потому всѣмъ наличнымъ при штабѣ офицерамъ приказано было обходить ночью цѣпь и повѣрять часовыхъ. Къ послѣднимъ числамъ декабря все это однако было улажено, въ чемъ Перовскій лично убѣдился, когда, однажды ночью, хотѣлъ проѣхать насильно черезъ цѣпь: часовой уставилъ ему штыкъ въ грудь и побожился, что заколетъ, если генералъ не остановится на мѣстѣ до прихода еврейтора, „котораго звалъ отчаяннымъ голосомъ“.

Въ письмѣ отъ 1-го января 1840 Даль говоритъ: „Василій Алексѣевичъ (Перовскій) сегодня очень разстроенъ, не спалъ всю ночь и много беспокоится. Я все говорю: аллахъ керимъ! Богъ милостивъ! и русскій Богъ великъ! дойдемъ хорошо, сдѣлаемъ дѣло и воротимся благополучно. Мы доселѣ сдѣлали нѣсколько менѣе 500 верстъ въ тридцать-два дня, а отсюда (изъ Аты-Якши) пойдемъ еще вдвое медленнѣе.... Пѣхота пашеть по колѣна въ снѣгу. Всѣ кайсаки говорятъ, что отъ роду такого снѣгу здѣсь не запомнить.... Скажу вамъ частное и собственное мнѣніе мое: мы весною воротиться не можемъ. Дай Богъ, чтобы я ошибался. Во всякомъ случаѣ, обратный путь будетъ, по-моему, безъ всякаго сравненія легче и удобнѣе: мы можемъ идти порознь, разными дорогами и малыми частями. Мнѣ кажется, что мы, вопреки всякому расчету, отвѣдаемъ хивинскихъ дынь, а можетъ быть и винограду. Вы видите, я говорю откровенно, что думаю; поэтому и вѣрьте, что я вообще отъ васъ ничего не скрываю. Василій Алексѣевичъ позволилъ писать мнѣ *все*, и письма эти почти то же, что дневникъ мой“.

Изъ дальнѣйшихъ словъ Даля можно заключить, что уже въ началѣ января 1840 г. Перовскій сомнѣвался въ успѣхѣ экспедиціи. Подъ 8-мъ января отмѣчено: „Скажу вамъ правду:

Василій Алексѣевичъ заботами, безсонницей и тьмою хлопотъ и затрудненій, *а пище всего именно заботами о будущемъ*, очень разстроены.... Тутъ, вѣжеться, немножко не правы тѣ, которые старались убѣждать его всегда, что затрудненій и препятствій быть не можетъ, и что весь походъ этотъ будетъ прогулкой. Нѣтъ, я не велика спица въ колесницѣ, и не мнѣ бы объ этомъ судить, но я всегда былъ противнаго мнѣнія и доселѣ еще удивляюсь, какъ все идетъ хорошо и какъ мало встрѣчаемъ мы препятствій. Развѣ доселѣ подобный походъ не считался почти несбыточнымъ? Развѣ не одно только крайнее предусмотрѣніе и необыкновенныя средства и способы могли дать возможность предпринять его? Развѣ кто-нибудь изъ насъ не зналъ, что мы должны пройти болѣе десятой доли четверти круга земнаго по буранамъ, необитаемымъ пустынямъ, покрытымъ снѣгомъ, ограничиваясь собственными средствами и не ожидая ни отъ кого почти никакой помощи? Развѣ не знаемъ и не видали мы, какъ люди голодаютъ, болѣютъ, гибнутъ, какъ постигаетъ всякая военная невзгода войска среди земель европейскихъ, гдѣ казалось бы есть всѣ средства избѣгнуть всякой подобной бѣды? А, между тѣмъ, настоящій походъ не можетъ равняться ни съ какимъ другимъ походомъ — это иное дѣло. Стало быть, мы все это знали, на все это готовились и не должны удивляться теперь ничему“.

Самъ Даль былъ, въ это время, еще увѣренъ въ благополучномъ исходѣ экспедиціи: „только бы до Усть-Урта, какихъ-нибудь 250 верстъ, а тамъ не боимся ничего!“—восклицаетъ онъ, прибавляя однако вслѣдъ затѣмъ: „да, если бы послушали меня глупаго, говаривала пянька Соломонида, были бы разумны: *зимою* надо было идти на Гурьевъ или Сарайчикъ; только весной и осенью эта дорога предпочтительна“.

Повторяя еще разъ, что никогда и ни въ одномъ походѣ русскій солдатъ не ѣлъ такъ хорошо и сытно, какъ въ хивинскую экспедицію, Даль сообщаетъ нѣсколько характеристическихъ чертъ о солдатахъ линейныхъ баталіоновъ: „Ѣдятъ какъ жулы, а работаютъ какъ мухи; походятъ на какихъ-то институтокъ, не видавшихъ отроду ничего и неумѣющихъ заботиться ни о чемъ. Все имъ въ диковинку. Вѣрите ли, не умѣютъ разложить огня и сварить каши, не умѣютъ сладить съ камышомъ и кизякомъ, не умѣютъ зарѣзать коровы, заколоть барана.... Кто ихъ нянчилъ и лелѣялъ, кто качалъ ихъ

и прибаюкивалъ? За то уральцевъ, равно и отборныхъ башкировъ колонны Циолковскаго, онъ называетъ молодцами. Уральцы, несмотря на всѣ свои неутомимые поиски, на самыя трудныя порученія, на нихъ возлагавшіяся, не съѣдали казенной дачи, а линейные солдаты, простоявъ три недѣли на мѣстѣ (въ Аты-Якши), не могли утолить голода никакими средствами. Даль сознается, впрочемъ, что хозяйственная часть была въ большомъ безпорядкѣ, да и вообще въ отрядѣ не доставало правильнаго административнаго устройства: не было ни начальника штаба, ни генераль-квартирмейстера, ни оберъ-провіантмейстера; не было, какъ выражается Даль, людей, за немногими исключеніями. „Безначаліе худо—прибавляетъ онъ—а многоначаліе мало лучше: это тоже многоженство“.

Въ письмѣ изъ Акъ-Булака, отъ 3-го февраля, Даль въ первый разъ говоритъ о невозможности дальнѣйшаго похода; но онъ еще 10-го января отиѣтилъ въ своей записной книжкѣ: „въ первый разъ сомнѣваюсь положительно въ нашемъ успѣхѣ: верблюды такъ плохи, что не дойдешь“. Въ Акъ-Булакѣ, на мѣстѣ, безъ работы, падало до 150 и не менѣе ста верблюдовъ въ сутки; съ Эмбы же ихъ пало до 2,000; больныхъ людей, особенно въ укрѣпленіяхъ, насчитывалось до 600; изъ 1.500 казаковъ убыло больными и умершими около 60, а изъ 2,750 человекъ пѣхоты слишкомъ 600. Въ виду такихъ печальныхъ фактовъ, Перовскій „сильно колебался, допрашивалъ всѣхъ, допытывалъ всякаго“, и получалъ въ отвѣтъ, что идти впередъ надобно, что возвратиться ни въ какомъ случаѣ нельзя, хотя бы пришлось положить головы. Увѣреніями и убѣжденіями отвѣчали даже тѣ изъ офицеровъ, которые сами были увѣрены въ невозможности продолжать походъ; даже линейные солдаты „повѣсили носъ, когда объявили приказъ о томъ, чтобы повертнуть оглобли“. Казаки же просились убѣдительно пустить ихъ однихъ, и лихой старикъ-суворовецъ, полковникъ Бизяновъ, командовавшій первою колонной, вызывался окончить походъ двумя полками уральцевъ. Самыя простыя соображенія охладили однако пылъ стараго уральца: верблюды не донесли бы до Хивы продовольствія и на два казачьихъ полка, а остальная часть отряда не дошла бы и до Эмбы, если бы отобрать у нея самыхъ лучшихъ верблюдовъ. Въ Акъ-Булакѣ было оставлено болѣе тысячи четвертей хлѣба, и „если бы у насъ—говоритъ Даль—не было на Эмбѣ продо-

вольствія, а въ Оренбургѣ помощи, то не знаю какъ бы имъ дошли домой: *кажется, не дошли бы вовсе*“.

Неудача хивинскаго похода произвела на участвовавшихъ въ немъ разнообразное впечатлѣніе; но, по словамъ Даля, всѣхъ можно было подвести подъ три категоріи. Одни горевали потому, что понимали всю важность неудачи при тогдашнихъ политическихъ отношеніяхъ: ударъ на Хиву въ то время, когда англичане заняли Кабуль, былъ бы очень кстати и придалъ бы намъ вѣсу не въ одной Азій, но и въ Европѣ; другіе соболѣзновали собственно о главномъ начальникѣ, по привязанности къ нему (такихъ, по свидѣтельству Даля, было чело-вѣка два), о необыкновенныхъ условіяхъ края, о напрасной потерѣ людей; третьи — и этотъ разрядъ былъ самый многочисленный — не могли скрыть своего негодованія, видя неисполнившимися свои надежды.... не на утверженіе первенства Россіи въ Средней Азій, а на чинъ и на крестъ!... „Чортъ меня понесъ! зачѣмъ я пошелъ!...“ такія восклицанія можно было, по словамъ Даля, слышать часто. Самъ Перовскій, разъ убѣдившись въ невозможности дальнѣйшаго движенія, казался наружно спокойнымъ, а подчасъ и довольно веселымъ. Кто-то замѣтилъ въ разговорѣ, что у многихъ казаковъ переми-нилась на лицѣ третья и четвертая шкура. „Да, удивительно!— сказалъ Перовскій: „всѣ мы, несмотря на безпримѣрные, жестокие морозы, возвращаемся съ носомъ!...“

Разумѣется само собою, что послѣ испытанной неудачи въ отрядѣ было довольно толковъ о причинахъ ея и разсужденій о болѣе рациональныхъ началахъ новой экспедиціи, если бы пришлось предпринимать ее. Даль тоже высказываетъ свое мнѣніе, основанное, какъ онъ выражается, не на *спрой* теоріи (*), не на *зеленымъ* предположеніяхъ и умозрѣніяхъ, а на опытѣ. При новомъ предпріятіи онъ полагалъ необходимымъ принять четыре основныя начала: 1) выступить съ возможно-меньшимъ числомъ людей („если три тысячи чело-вѣкъ здоровые придутъ въ ханство съ продовольствіемъ на шесть недѣль, то нельзя опасаться неудачи“); 2) ускорить ходъ, не стоять по двѣ и по три недѣли на одномъ мѣстѣ, но *идти во всю лопатки*, покуда верблюды держатся, зная, что они отъ отдыху зимою не поправляются, а худѣютъ; 3) уменьшить, по

(*) Гете (въ „Фаустѣ“) называетъ теорію *спрой*, а дерево жизни *зеленымъ*. Даль вывѣлъ съ собою въ походъ „Фауста“.

возможности то пространство, которое должно пройти съ продовольствіемъ на плечахъ; 4) уменьшить или уничтожить все сословіе ничего не дѣлающихъ, т. е. всѣхъ тѣхъ, которые, безъ вреда отряду, могутъ быть оставлены дома.... „Еще важнѣйшее правило, выведенное, къ несчастію, также изъ опыта: помнить день и ночь, что верблюдъ не деревянная кобылка, которой нѣтъ износу ни изводу, а тоже живое созданіе, хоть и скотина. *Несчастный предразсудокъ, бѣдственное мнѣніе, что верблюду ничего не значитъ пробыть сутки или двое безъ пищи, надѣлалъ намъ много вреда*».

Цифра умершихъ и больныхъ людей представляется, по расчету Даля, въ слѣдующемъ видѣ: пѣхоты выступило изъ Оренбурга 2,928, казаковъ уральскихъ 1,204; дивизионъ 1-го полка 219 человекъ; башкировъ и оренбургскихъ казаковъ, пополамъ, 345; конныхъ артиллеристовъ (казаковъ) 141; гарнизонной артилеріи 112. Больныхъ было: 1,308; выздоровѣло 909; отправлено въ Оренбургъ и въ Илецкую Защиту 56; умерло 139; осталось въ лазаретахъ 304. Въ Эмбенскомъ укрѣпленіи переболѣло 830 человекъ; умерло 154. Всего, въ общемъ итогѣ, состояло больныхъ 1,450; выздоровѣло 750; умерло 247, такъ что въ отрядѣ болѣлъ изъ пѣхоты *второй*, изъ башкировъ *десятый*, изъ уральскихъ казаковъ *пятьдесятъ второй*. Объ оренбургскихъ казакахъ нельзя было сдѣлать вѣрнаго расчета потому, что они же находились и въ укрѣпленіи, вслѣдствіе чего свѣдѣнія перемѣшались; но, по соображенію Даля, и изъ нихъ болѣлъ *около десятою*. Умерло: въ пѣхотѣ *двадцать четвертый* изъ здоровыхъ (*), въ дивизионѣ столько же; между башкирами (170 человекъ) умершихъ не было; у уральцевъ умеръ *двухсотый*....

О денежныхъ расходахъ по экспедиціи Даль сообщаетъ также нѣсколько приблизительныхъ данныхъ. Собственно наличными деньгами походъ стоилъ казнѣ *полтора миліона* рублей (асигнаціями) съ небольшимъ; но если обратить въ деньги все, что было сдѣлано мѣстными средствами, то, по мнѣнію Даля, мало взятъ и *пятнадцать миліоновъ*. Одни верблюды, которыхъ, по доброй волѣ, нельзя было купить за деньги, стоили, по оцѣнкѣ, *полтора миліона*; доставка продовольствія

(*) Расчетъ смертности относительно пѣхоты оказался невѣрнымъ: гарнизонъ обихъ укрѣпленій состоялъ изъ 2,930 человекъ, умершихъ было до 400; слѣдовательно умеръ почти *седьмой* изъ здоровыхъ.

башкирами, если бы была произведена наймомъ, обошлась бы въ *шесть миллионовъ*.

Послѣднее письмо писано 8-го марта 1840 года съ Эмбы. Въ этомъ и въ предшествующихъ письмахъ Даль говоритъ о необыкновенныхъ трудностяхъ обратнаго похода. Когда поднялись въ обратный путь на Эмбу, то принужденны были бросить до 3,000 четвертей хлѣба, лодки, канаты, гвозди, кожи, соль, сало, кошмы и много другихъ цѣнныхъ тяжестей. Изъ *десяти тысячъ* верблюдовъ уцѣлѣла развѣ *одна тысяча*. „Хвалить насъ—съ грустію говоритъ Даль — за то, что мы воротились, что благоразуміе взяло верхъ надъ славолубіемъ и другими страстишками. Я былъ свидѣтелемъ и знаю, чего стоила неудача эта тому, въ чью руку была положена и власть и отвѣтственность“.

Историческій очеркъ народной войны за независимость Греціи и восстановленія королевства, при вмѣшательствѣ великихъ державъ: Россіи, Англіи и Франціи. Составили гг. Палеологъ и М. Сивинисъ. Спб. 1867 г.

Почти съ самаго покоренія турками византійской имперіи, такъ называемый, „восточный вопросъ“ сталъ серьезно занимать умы европейскихъ политиковъ, уже болѣе трехъ съ половиною столѣтій стремящихся къ успѣшному его разрѣшенію. Не разъ, ради его, закипали самыя ожесточенныя войны, бились громадныя арміи и флоты чуть не цѣлой Европы, придумывались самыя замысловатыя дипломатическія complicacіи. Но рядъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ мѣръ до сихъ поръ оставался не болѣе, какъ паліативными средствами противъ всѣми признаваемого ненормальнаго порядка вещей на востокѣ. Не вдаваясь въ разборъ причинъ, замедлявшихъ успѣшный ходъ борьбы съ турецкимъ владычествомъ на Балканскомъ полуостровѣ, скажемъ только, что такое событіе, какъ освобожденіе Пелопонеса изъ-подъ турецкой власти и восстановленіе самостоятельнаго греческаго королевства, въ концѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, безспорно, принадлежитъ къ такимъ явленіямъ, которыя весьма наглядно показываютъ, до какой степени турецкая раса мало способна къ государственной самостоятельной жизни, и на сколько политическое ея существованіе находится въ зависимости отъ другихъ европейскихъ державъ. Вотъ почему изу-

ченіе греческаго возстанія во всей его подробности представляеть много поучительнаго для всякаго интересующагося исходомъ вѣковой борьбы христіанскаго міра съ магометанскимъ элементомъ на юго-востокѣ Европы. Борьба эта, весьма естественно, особенно близка и дорога намъ, русскимъ, какъ единовѣрцамъ здѣшнему коренному населенію. Извѣстно, что русское правительство съ весьма уже давняго времени принимало самое горячее участіе въ судьбѣ подвластныхъ Турціи христіанъ, заботясь всѣми мѣрами объ обезпеченіи ихъ участи. И чтобы ни говорили европейскіе публицисты, помощь наша всегда была искренна и чужда всякаго своекорыстія. Лучшимъ и яркимъ тому доказательствомъ можетъ служить возстановленіе Греціи, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе всего обязанной своей независимостію твердымъ и неуклоннымъ настояніямъ русскаго правительства. Въ подтвержденіе этой мысли позволяемъ себѣ сослаться на факты, приводимые въ сочиненіи, полное заглавіе котораго приведено нами выше.

Говоря вообще, трудъ гг. Палеолога и Сивиниса главнымъ образомъ заключается въ приведеніи въ систему богатаго запаса подлинныхъ документовъ, которые остались послѣ смерти славнаго нашего моряка П. И. Рикорда. Извѣстно, что покойный адмиралъ командовалъ нашей эскадрой, посланной къ берегамъ Греціи для поддержанія угнетеннаго ея населенія. Въ это-то время, занимая столь важный постъ, П. И. Рикордъ успѣлъ собрать весьма обильный запасъ офиціальной и неофиціальной переписки, заключающейся въ различныхъ свѣдѣніяхъ, относящихся до освобожденія Греціи. Переписка эта и послужила главнѣйшимъ матеріяломъ для книги гг. Палеолога и Сивиниса. Сверхъ того, авторы старались пополнить трудъ свой свѣдѣніями, почерпнутыми ими и изъ другихъ источниковъ, отдавая преимущество греческимъ сочиненіямъ.

Послѣднее обстоятельство важно въ томъ отношеніи, что до сихъ поръ все, что ни появлялось у насъ въ печати о возрожденіи греческаго королевства, было написано подъ вліяніемъ западно-европейскихъ писателей, которые, по словамъ авторовъ, „увлекаясь религіознымъ антагонизмомъ и политическими соображеніями“, верѣдко пристрастно относились къ греческому движенію и къ главнѣйшимъ его руководителямъ, каковы, напримѣръ, графъ Каподистрія и другіе.

Далѣе мы укажемъ, въ чемъ именно гг. Палеологъ и Си-

винись несогласны съ иностранными писателями; теперь же считаемъ нелишнимъ, хотя вкратцѣ, познакомить читателей съ содержаніемъ и взглядомъ разсматриваемой нами книги.

По словамъ гг. Палеолога и Сивиниса, важное и существенное различіе греческаго возстанія отъ всѣхъ бывшихъ до-тогда революціонныхъ движеній западно-европейскихъ народовъ заключается въ томъ, что греки возстали съ единственнымъ желаніемъ изгнать изъ среды своей чуждое имъ и ненавистное племя, власть котораго тяготѣла надъ ними болѣе трехъ съ половиною вѣковъ. Чтобы понять и оцѣнить всю трудность задуманнаго греками дѣла, слѣдуетъ помнить, что возставшіе едва составляли $\frac{1}{20}$ часть всего населенія Турціи и что держава эта въ то время была еще въ силахъ сопротивляться противнику болѣе могущественному, нежели греки, у которыхъ почти не было средствъ для веденія правильной войны. Несмотря на то, греки одержали перевѣсъ надъ своими врагами, благодаря единственно своему патриотизму и самоотверженію. Кроме того, по мнѣнію авторовъ, греческое возстаніе отличается еще и тѣмъ отъ прочихъ такого же рода предпріятій, что въ продолженіе шести слишкомъ лѣтъ было ведено безъ всякой чужеземной помощи. Вышательство же Европы въ 1827 году, вмѣсто ожидаемой пользы, ограничило лишь результаты, которыхъ можно было бы ожидать отъ успѣшно веденной борьбы, чему главною причиною, по словамъ авторовъ, были англійское, французское и австрійское правительства.

Несмотря, однако, на тайное противудѣйствіе западно-европейскихъ кабинетовъ, правое дѣло восторжествовало и мѣтерниховская Европа принуждена была, наконецъ, принять участіе въ войнѣ грековъ съ турками и заключить семилѣтнюю войну блистательнымъ наваринскимъ боемъ.

Мѣнявшаяся нѣсколько разъ европейская политика можетъ служить раздѣльной чертой исторіи греческаго возстанія. Основываясь на вліяніи, оказываемомъ политикой европейскихъ державъ на ходъ войны за греческую независимость, авторы раздѣляютъ исторію греческаго возстанія на четыре періода: 1) отъ начала возстанія до высадки египетскихъ войскъ въ Пеллопонесъ; 2) до заключенія трактатовъ 24-го іюня (6-го іюля) 1827 года; 3) до прибытія Каподистрії въ Грецію, и 4) до признанія Греціи независимой державой. Всѣ эти періоды охарактеризованы авторами слѣдующимъ образомъ:

Первый періодъ, продолжавшійся слишкомъ четыре года, отличался вначалѣ полнымъ равнодушіемъ европейскихъ державъ къ дѣлу возстанія Греціи. При такой холодности официальной Европы, греческое возстаніе продолжало усиливаться до тѣхъ поръ, пока въ концѣ 1824 года не высадились въ Пелопонесѣ египетскія войска, подъ начальствомъ сына вице-короля, Ибрагима-паши. Періодъ этотъ представляетъ опустошительную войну, во время которой греческое оружіе дѣйствовало однако успѣшно и въ Европѣ и въ Малой Азіи. Греческій національный флотъ сталъ пріобрѣтать въ концѣ этого періода такое значеніе, что турецкія морскія силы не смѣли нѣкоторое время показываться въ водахъ Архипелага.

Во время втораго періода войны, несмотря на присутствіе египетскихъ войскъ въ Пелопонесѣ, греческое оружіе пріобрѣло такой успѣхъ, что не только острова Архипелага, но и вся почти сѣверная Греція была очищена отъ турокъ. Оставалась неосвобожденною одна Аттика, гдѣ въ афинской цитадели турки готовились уже сдаться, какъ вдругъ смерть лучшаго полководца возставшей Греціи, Георгія Караисаки, измѣнила ходъ войны. Со смертію этого доблестнаго грека, погибли и всѣ надежды грековъ на освобожденіе Эпира и Фессалии.

Третій періодъ, который можно смѣло назвать періодомъ междоусобныхъ распрій греческихъ вождей и ихъ вольницъ, продолжался полгода. Въ это время, открытая въ Лондонѣ конференція по греческимъ дѣламъ постановила отправить къ берегамъ Греціи союзныя эскадры, съ цѣлю прекратить морское разбойничество въ Архипелагѣ, принудить воевавшія стороны заключить перемиріе и принять посредничество трехъ договаривавшихся въ Лондонѣ державъ. Отсюда собственно и начинается прямое вмѣшательство Европы въ дѣла греческаго возстанія. Сознывая опасное положеніе Греціи, окруженной войсками Ибрагима-паши и турецко-египетскимъ флотомъ, и раздраемой въ то же время междоусобными распрями, вліятельнѣйшіе военачальники возставшихъ эллиновъ рѣшились ввѣрить верховную исполнительную власть въ странѣ одному лицу, вслѣдствіе чего, въ 1827 г., созвано было народное собраніе, которое всеобщей подачей голосовъ выбрало въ президенты Греціи графа Каподистрію.

Прибытіемъ графа Каподистріи въ Грецію заканчивается третій періодъ и начинается четвертый, во время котораго

Греція принимаетъ постепенно видъ европейскаго государства. Періодъ этотъ, продолжавшійся два года, заканчивается провозглашеніемъ Греціи независимой державой. Имъ заключается и исторія греческаго возстанія. Но и послѣ утвержденія греческой независимости непосредственное вмѣшательство Европы въ дѣла Греціи не прекращалось долгое время.

По словамъ авторовъ, къ числу замѣчательнѣйшихъ особенностей греческаго возстанія слѣдуетъ отнести также и то, что греческій народъ, кромѣ турокъ, имѣлъ другаго опаснѣйшаго врага: европейскую дипломатію. Проникнутая идеями священнаго союза, считавшаго всякое покушеніе къ народной самобытности за преступленіе, офиціальная Европа естественно не могла принять съ сочувствіемъ вѣсть о возстаніи греческаго народа. Какъ и слѣдовало ожидать, непріязненнѣе всѣхъ отнесся къ этому возстанію тогдашній австрійскій министръ Метернихъ, главный руководитель и поборникъ идеи священнаго союза. Австрійскій дипломатъ предлагалъ, не болѣе, не менѣе, какъ оказать открытую помощь турецкому султану, для усмиренія его возставшихъ подданныхъ. Благодаря, однакожь, настоятельнымъ протестамъ графа Каподистріи, пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ императора Александра, предложеніе Метерниха было отвергнуто; офиціальная Европа рѣшилась пока оставаться совершенно нейтральною и равнодушною зрительницею борьбы султана съ его возставшими подданными. Такое положеніе дѣлъ продолжалось до 1824 года, и только съ этого года начинается дипломатическое вмѣшательство великихъ державъ въ войну за греческую независимость. Но вмѣшательство это, возбужденное скорѣе желаніемъ видѣть усмиреніе мятежныхъ областей, естественно не могло принести грекамъ существенной пользы.

Императоръ Александръ I, считавшійся вѣрнѣйшимъ оплотомъ священнаго союза, конечно, не могъ допустить, что бы, вопреки постановленіямъ вѣнскаго конгресса, образовалось новое государство, во имя невѣдомаго дотогѣ европейскимъ кабинетамъ „права народности“. Поэтому неудивительно, что на открывшейся, въ 1824 году, въ Петербургѣ конференціи по восточнымъ дѣламъ, рѣшено было представителями европейскихъ кабинетовъ предложить возставшимъ грекамъ такія ничтожныя политическія права, на которыя они не только не согласились, но тотчасъ же послали протестъ въ Лондонъ,

прося покровительства Англіи противъ навязываемыхъ имъ мнимыхъ благодѣяній. Такимъ образомъ разстроилась первая попытка великихъ державъ вмѣшаться въ дѣла Греціи, попытка, не возобновлявшаяся до самой кончины императора Александра I. Только съ воцареніемъ императора Николая I наступаетъ рѣшительный поворотъ европейской политики въ дѣлѣ возставшихъ грековъ. Энергическій и прямой характеръ Николая I, на первыхъ же порахъ выразившійся въ интересахъ внѣшней политики, заставилъ европейскіе кабинеты серьезно подумать объ устройствѣ судьбы возставшихъ грековъ и тѣмъ покончить съ неурядицей, такъ долго длившейся на востокѣ. Въ 1826 году снова были открыты конференціи по греческимъ дѣламъ въ Петербургѣ, а въ слѣдующемъ году онѣ были перенесены въ Лондонъ. Рѣшено было послать въ греческія воды союзныя эскадры Россіи, Англіи и Франціи и, въ случаѣ надобности, силою поддержать возставшихъ грековъ.

Начиная съ этого времени и оканчивая отплытіемъ нашей эскадры изъ Греціи (въ маѣ 1833 года) и относятся матеріалы, собранные въ книгѣ гг. Палеолога и Сивиниса.

Выше было уже нами замѣчено, что авторы, при составленіи своего труда, старались пополнить его свѣдѣніями изъ тѣхъ греческихъ историковъ, которые болѣе другихъ представляютъ достовѣрности, и на основаніи которыхъ могутъ быть разоблачены пристрастныя сужденія европейскихъ писателей, занимавшихся историческими изслѣдованіями о греческой войнѣ.

На основаніи этихъ-то источниковъ гг. Палеологъ и Сивинисъ стараются опровергнуть Гервинуса, Финлея и другихъ иностранныхъ историковъ, доказывающихъ, будто бы греческое возстаніе явилось не вслѣдствіе единодушнаго стремленія къ освобожденію всей народной массы, но было затѣяно небольшимъ кружкомъ пылкихъ патриотовъ, воспитанныхъ въ Европѣ, подъ вліяніемъ начинавшей тогда возрождаться идеи національныхъ стремленій. Не соглашаясь съ такимъ мнѣніемъ, авторы доказываютъ, что идея освобожденія была присуща всему греческому народу, поголовно возставшему во имя завѣтныхъ преданій „вѣры и отечества“. Если бы не было такого сознанія въ народѣ, то все кончилось бы пустыми и гибельными демонстраціями, въ родѣ недавняго польскаго мятежа, гдѣ, при всемъ усиліи коноводовъ мятежа, поддерживаемыхъ иностран-

ными правительствами, народъ остался не только чуждъ, но и враждебенъ возстанію. Совсѣмъ другое было въ Греціи: здѣсь народъ, проникнутый національнымъ чувствомъ въ теченіе семи лѣтъ, единодушно бился за свою свободу и независимость.

Авторы возстаютъ также противъ обвиненій бывшаго греческаго президента графа Каподистрія въ политическихъ проискахъ и стремленіяхъ навсегда захватить въ свои руки временно доставшуюся ему власть.

Вотъ что, между прочимъ, по этому поводу, сказано въ книгѣ гг. Палеолога и Сивиниса: „Многіе иностранные писатели, описывая смерть народнаго мученика Греціи, объясняютъ ее по-своему и, желая смыть пятно, легшее на ихъ народную честь, стараются выставить, что самъ Каподистрія, вслѣдствіе своего неумѣнья управлять греками и своихъ властолюбивыхъ замысловъ, былъ главною причиною своей трагической кончины. Обвиненіе это такъ нелѣпо и неосновательно, что стоитъ только прослѣдить внимательно за исторіей сношеній графа Каподистрія съ иностранными представителями, чтобы убѣдиться въ непреложной истинѣ, что главными виновниками смерти президента были: явное нерасположеніе къ нему французскаго и англійскаго правительствъ и проистекавшія отъ того интриги иностранныхъ искателей приключеній, которые, несмотря на свою незавидную репутацію, пользовались, однако, явнымъ и могущественнымъ покровительствомъ французскаго и англійскаго посольствъ“.

Непріязнь англійскаго правительства къ Каподистрію обнаружилась немедленно по его избраніи въ президенты греческаго правительства. Въ книгѣ приведенъ довольно интересный рассказъ, весьма мѣтко характеризующій степень расположенія великобританскаго двора къ графу Каподистрію. Послѣ своего избранія въ президенты Греціи, графъ Каподистрія отправился въ Лондонъ, чтобы представиться королю Георгу IV и выразить ему признательность грековъ за покровительство, оказываемое Англійей.

„На другой же день Каподистрія получилъ офиціальное извѣщеніе, что король назначилъ ему аудіенцію въ Виндзорскомъ дворцѣ. Прибывъ во дворецъ въ назначенное время, президентъ Греціи былъ введенъ въ дворцовую картинную залу. Черезъ нѣсколько часовъ отперлась противоположная дверь и въ залу вошелъ высокій мужчина въ пар-

тикулярномъ платьѣ. Каподистріи не трудно было узнать въ немъ самого Георга IV. Войдя въ залу, англійскій король приворилъ дверь и, не обращая никакого вниманія на стоявшаго въ концѣ залы Каподистрію, сталъ обходить картины, останавливаясь по нѣскольку минутъ передъ каждою изъ нихъ. Черезъ полчаса король подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Каподистрія и, показавъ видъ, что только теперъ замѣтилъ его, сказалъ: „Ah! vous êtes ici, monsieur le comte! je suis bien aise de vous voir“ (Вы здѣсь, графъ, весьма радъ васъ видѣть). Сказавъ это и не дожидавшись отвѣта, король откланялся графу, потихоньку удалился, продолжая разсматривать остальные картины, и вышелъ въ ту же дверь, въ которую вошелъ. По выходѣ короля, камеръ-лакей отворилъ дверь, которою ввелъ Каподистрію и проводилъ до подъзда, гдѣ стояла карета графа, какъ-будто бы дѣйствительно произошла его аудіенція у короля“. Разсказъ этотъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того нерасположенія, которое встрѣтилъ графъ Каподистрія въ одной изъ покровительствующихъ Греціи державъ при вступленіи своемъ въ управленіе страной. Нерасположеніе это, къ прискорбію, отразилось на мѣстѣ, въ самой Греціи, рядомъ интригъ и происковъ, кончившихся плачевною смертію одного изъ лучшихъ патріотовъ, какимъ, безспорно, былъ графъ Каподистрія.

Лишь только онъ палъ отъ руки убійцы, какъ начавшіеся грабежи и всевозможные беспорядки стали терзать Грецію, доказывая тѣмъ, что Каподистрія могъ поддерживать порядокъ въ странѣ и искусно побѣждать дипломатическія интриги и происки враждебныхъ партій.